

**Лингвистический коллапс и
политизированная псевдо-филология Н. Дивногогорского**

Часть I

К. Бергштрайссер

Русскоязычный популяризатор мадхва-вайшнавизма Нарасимха Дивногогорский (НД) в течение последних пятнадцати лет, если не больше, последовательно формирует собственный вариант письма, терминологии и передачи религиозного материала: транслитерирует санскрит кириллицей, диакритиками и дореформенной орфографией (всякие яти и прочие еры), в том числе символами других кириллических алфавитов (сербского и др.). Полный славянизм, как говорится.

На первый взгляд эта система может показаться стилистическим выбором или попыткой «руссифицировать» санскрит ради удобства. Однако лингвистический и семиотический анализ показывает, что перед нами не перевод и не адаптация, а идеологически мотивированное конструирование языка, которое трансформирует структуру религиозного смысла, статус терминов и понятий, границы группы и идентичности читателя.

Создаётся не форма выражения традиции, а отдельный групповой код, обладающий всеми признаками новояза (в смысле Оруэлла и последующей гуманитарной традиции). Всё это — яркий пример политически мотивированного лингвистического новояза. С филологической, лингвистической и академической точек зрения, этот подход является нелогичным, хаотичным и абсолютно лишённым смысла.

**1. Деструкция транслитерации (неоправданное усложнение) или орфография как
идеологический маркер**

Цель транслитерации — однозначность и проверяемость: любой термин можно сверить с оригиналом. Академическая латинская транслитерация санскрита (IAST) существует для того, чтобы отображать звуки санскрита, исключая двусмысленность.

Дивногорский намеренно отказывается от международной транслитерации (IAST), которая используется академическим сообществом по всему миру.

Дивногорский, используя смесь кириллицы, дореформенной орфографии, и даже элементов других алфавитов, не только не упрощает, а намеренно усложняет чтение, делая его доступным лишь для узкого, «посвящённого» круга. Но и сам «узкий круг» принимает тексты Дивногорского стиснув зубы. Деваться-то некуда. Санскрит не знает, английский — кое как, да и то не все, да и читать лень. А кто ещё объяснит? Вот и вынуждены терпеть всё это и «учиться» читать тексты Дивногорского.

С лингвистической точки зрения, это графоманская прихоть. Использование этих элементов не добавляет точности в передаче фонетики санскрита, а создаёт искусственный барьер для читателя. Это классический приём идеологического новояза, цель которого — не коммуникация, а сегрегация аудитории на «посвящённых» (тех, кто готов принять эту систему) и «чужаков» (тех, кто придерживается другой нормы).

Фонетическая точность при этом не улучшается. Новые графические формы не соответствуют фонологической системе русского языка, не воспроизводят систему санскритских фонем, не позволяют восстановить исходное слово через словари.

Применение дореформенной орфографии (например, Вѣду) не несёт лингвистической функции; это чисто идеологический маркер, призванный подчеркнуть «глубинную русскую архаичность/славянство» и противопоставить текст современному, «вестернизированному» языку.

Дореформенная орфография, вкрапления нестандартных букв и диакритики («ж», «») не улучшают фонетическую точность, но маркируют «свой» круг. Фактически это «пароль» доступа: принять форму — значит принять и интерпретационную схему.

Читатель лишается возможности проверки. Это и есть ключевой признак идеологического новояза: письмо перестаёт быть средством передачи смысла и становится механизмом контроля доступа к смыслу. В терминологии семиотики (Р. Барт): знак перестаёт быть знаком, и становится знаком принадлежности.

2. Морфологический хаос (смещение систем)

Главная ошибка — это хаотичное смешение двух грамматических систем (санскрита и русского) в рамках одного слова, что противоречит любой логике словоизменения.

Склонение санскритских несклоняемых терминов/слов вроде «вибхўти-цицъāсы» или «вибхўти-йогах» делается в русских падежах, при этом сохраняя окончания, свойственные санскриту (например, -х или -с).

Некорректное падежное управление: использование «Вишнавѣ» (вместо Вишну) как дательного падежа, склоняемого на русский манер, в то время как Вишнавэ — это уже форма дательного падежа в санскрите. Попытка русского склонения уже склонённого санскритского слова создаёт грамматическую тавтологию и полную неразбериху. Сохранение санскритского рода («Вѣду» — мужской род) при склонении по русским правилам разрушает связность предложения.

Новояз Дивногорского — это не «система», а лингвистический Франкенштейн. Его цель не в точности передачи смысла, что бы сам НД ни заявлял, а в маркировании идеологической исключительности («своего», «незападного»), что является характерным признаком идеологического новояза (например, как в «1984» Оруэлла, но направленного на псевдо-архаизацию).

3. Лингвистический нигилизм и политизация санскрита

Статьи и заметки Дивногорского о Мадхве и веданте демонстрируют не просто оригинальный, но деструктивный подход к языку и филологии. Автор создаёт сложный новояз, служащий не цели точности или ясности, а маркированию идеологической исключительности.

Н. Дивногорский «закрывает язык» и это механизм групповой изоляции. В социологии религии (П. Бергер, Т. Лакман) такие процессы называются «конструированием сакральной закрытой реальности» — когда язык становится непонятен внешнему читателю, не проверяем, требует посвящения, он перестаёт быть языком традиции, и становится языком секты (в техническом смысле).

Секта в религиоведении определяется не содержанием веры, а функцией. Секта — это группа, которая создаёт барьеры доступа к знанию. Новояз Дивногорского выполняет именно эту функцию.

4. Хаос морфологии: смешение парадигм

Самая серьёзная филологическая ошибка заключается в хаотичном обращении с падежами:

А) Наложение русского склонения на санскритские формы. В текстах встречаются выражения, где санскритский корень или даже уже склонённое санскритское слово подвергается склонению по правилам русской грамматики. Например, использование «Вишнавѣ» в русском дательном падеже вместо *Вишну* или *Вишнаву* (если бы оно склонялось по-русски). «Вишнавѣ» — это дательный падеж санскрита, и его склонение по-русски является грамматической тавтологией и бессмыслицей.

Б) Неоправданное сохранение санскритского рода. Оставление слова «Вѣду» в мужском роде (как в санскрите) при его использовании в русском предложении разрушает синтаксическую связь и логику.

Искусственное усложнение графики (вибхѹти, акāро_всми, тавāрццуна) не передаёт фонетику санскрита и не улучшает точность. Это не транслитерация — это маркер групповой идентичности. При переносе русских падежей на санскритские имена без изменения синтаксиса возникает гибридный паразитный язык: непонятный учёным, неприемлемый для сампрадаи, не пригодный для передачи знания.

Это не «система», а филологический произвол. Такой подход противоречит принципу языковой экономии и грамматической целостности. Это не попытка «обогатить» русский язык, а искажение как русского, так и санскрита, направленное на создание ощущения псевдо-глубины и элитарности своего текста.

Такой язык перестаёт быть языком традиции, языком учения, языком обращения к богу. Он становится языком группы, в котором смысл определяется не традицией, а принадлежностью к определённой идеологической общности. В лингвистике это

называется закрытым кодом групповой идентичности, а в религиоведении — семиотическим маркером секты (в техническом, не ругательном смысле).

Да — и здесь важно развести два совершенно разных явления, которые не совпадают:

А) нормальный, профессиональный перевод с санскрита на другой язык.

Б) искусственное создание гибридного языка с изменением грамматики и семантики исходной традиции.

Перевод не только возможен, но необходим для того, чтобы традиция жила в других культурах. Проблемы — в сохранении санскритского рода и одновременно склонение по русским падежам (полная грамматическая противоречивость); создании новых слов, которых нет ни в санскрите, ни в русском (например, «Харая»); в замене транслитерации на искусственную графическую систему, не передающую фонетику и делающую текст непроверяемым; в подмене терминологии для изменения доктринального смысла, а не для удобства перевода. То есть критика не в том, что санскрит нельзя переводить. А в том, что у Дивногорского перевод не делает смысл доступным, а делает смысл принадлежностью группы.

В нормальном переводе понятие переносится в другой язык, структура мысли остаётся той же, связь с источником сохраняется, читатель может при желании проверить термин на санскритском тексте. Это и есть корректный перевод.

И вот где основная разница: перевод сохраняет учение, меняя форму выражения.

Новояз меняет учение, меняя форму так, чтобы его нельзя было сверить с источником.

5. Идеологический контекст

Поскольку Дивногорский категорически не приемлет «западное» и Запад, этот лингвистический хаос получает политическое обоснование. Его новояз — это не просто ошибка, а языковая агрессия, инструмент культурного национализма, цель которого — объявить штамп о «чистоте» и «исконности» русской, а шире — славянской культуры, даже за счёт научного абсурда. Это — попытка создать этнолингвистическую

адаптацию индийского религиозно-философского материала под «русский культурный код». :))

Новояз Н. Дивногорского искажает фонетику, разрушает семантические связи между терминами, делает текст непереводимым и непроверяемым для обывателя (а специалисты такое читать и не будут), создаёт замкнутую идеологизированную среду, где «истинность» определяется не доказуемостью, а принадлежностью к группе.

То есть это не язык учёных и не язык традиции, а язык секты — в точном, нейтральном социолингвистическом смысле (замкнутой самоутверждающейся микрогруппы).

Новояз здесь выполняет две функции: а) маркер идентичности («мы свои, остальные не понимают и не достойны понимать»), б) инструмент переработки традиционного знания под заранее заданную идеологическую позицию.

Фактически происходит национализация религиозной традиции, подгонка учения Мадхвы под этнонациональную мифологию, затемнение исторических и доктринальных различий, создание «альтернативной» версии мадхва-вайшнавизма, не имеющей подтверждения в линии мадхва-традиции и трудах сампрадаи Мадхвы.

Такой подход антиисторичен, антинаучен и теологически несостоятелен.

Кто-то может сказать: «А ведь религиозный человек не обязан интерпретировать свою веру научными методами!». Да, это так. Вера живёт не в академическом пространстве, а в пространстве личного опыта, религиозной традиции. Наука и религия имеют разные цели и разные критерии истины. Но — то, что происходит в случае Дивногорского — вообще не про личную религиозную интерпретацию. И вот тут принципиальная разница.

Личная вера имеет целью религиозный опыт, спасение, бхакти и т.п. А у Дивногорского — это идеологическая переработка традиции. Он создаёт идеологическую общность, проповедуя нацизм, фашизм, панславянизм и уничтожение науки.

Возьмём признак «отношение к религиозной традиции». Наука принимает традицию такой, как она есть и толкуется в её собственных рамках. Дивногорский просто

переиначивает традицию, переписывает её, чтобы она служила другим целям (нации, расе, превосходству).

Признак «отношение к литературе сампрадаи». Наука и учёные относятся по меньшей мере дружески, а зачастую — с уважением к авторитетам религиозной школы или ачарьям (в случае индуизма). Дивногорский заменяет смыслы учения, включая смыслы «Бхагавад-гиты», выборочно подгоняет их под собственные идеи и цели.

Признак «язык». Наука изучает язык традиции, личный язык молитвы и пр. Н. Дивногорский создаёт искусственный «язык группы», делящий «своих» и «чужих».

Признак «возможность диалога с другими». Наука уже давно в диалоге с традицией. В случае Дивногорского такой возможности нет. Возникает закрытая система «мы — против них».

Религиозная свобода верующего и манипулятивное идеологическое конструирование внутри религии — это разные явления.

6. Почему научность всё же важна именно в этом вопросе?

Религия не обязана быть научной. Но здесь случай не о религии, а о публичном конструировании доктрины. Никто не требует от верующего научной интерпретации его внутреннего опыта. Речь идёт о передаче знания, а не о духовном переживании. Когда человек вводит новые термины, создаёт закрытый язык, отрезает возможность проверки, объявляет внешние способы чтения ложными; учит других, выдавая свои тексты/лекции/проповеди за представление учения сампрадаи, переопределяя ключевые термины; утверждает, что именно он знает „подлинное учение Мадхвы“ (в русскоязычном мире, по меньшей мере), — он перестаёт быть передатчиком традиции и становится производителем собственной системы. Это называется харизматической авторитарной герменевтикой.

А публичное учение обязано быть проверяемым, иначе оно становится сектантским, манипулятивным, основанным на харизме личности, а не знании. Это не требование «быть учёным», это требование не подменять традицию собой.

В философии религии тенденцию, которую показывает Дивногорский своей деятельностью, называют антиисторическим эссенциализмом: религия как система закрытого знания, поддерживающая себя через догму, иерархию и ограничение интерпретации. Это одна из возможных моделей религии, но — не единственная. И главное: даже в рамках этой модели позиция «религия закрыта и не обязана быть проверяемой» не оправдывает происходящее в случае Дивногорского.

Догма не равно произвольная авторская интерпретация. Когда Дивногорский меняет терминологию, подменяет значения, создаёт новый язык, и приписывает это Мадхве, он не следует догме — он создаёт собственную и называет её традицией. Это и есть нарушение традиционализма.

Когда человек подменяет передачу учения собой, он перестаёт быть носителем традиции и становится основателем новой системы, даже если не признаёт это.

Отличие традиции от сектантского конструирования:

Традиция	Новояз Дивногорского
Передаёт учение и допускает проверку	Делает учение непроверяемым
Использует ясный, наследуемый язык	Создаёт искусственный закрытый код
Допускает диалог	Строит оппозицию «мы vs они»
Сакральность = глубина смысла	Сакральность = непроницаемость языка
Учение > личность учителя	Личность учителя > учение

Н. Дивногорский не продолжает традицию. Он подменяет её формой, исключая возможность сверки.

8. Подмена доктринального смысла через контекст. Манипуляция смыслом и политизация: как это встроено в текст

Нарасимха Дивногорский исповедует две мировоззренческие идеи:

А) Вишну — бог, *бхакти* — суть жизни верующего. Это его религиозная жизнь, вера в бога и превосходство учения Мадхвы над любыми другими религиозными учениями.

Б) Когда живёшь вне Индии и полноценно жить вайшнавской жизнью невозможно, поскольку находишься вне религиозной страны и вне религиозного контекста, то живёшь принципом «В отсутствие Вишну следует защищать свой род» (разумеется, в широком смысле славянский и в узком — русский). Здесь уже включена политика и «борьба с Западом».

На уровне его текстов это выглядит так: где *шастры* говорят о *пашанде* (отрицании авторитета *вед*, ересь и т.п.), Н. Дивногорский подставляет науку, индологию, сравнительное религиоведение. И шельмует их, обозначая *пашандой*. Так, где Мадхва говорит о *таратамье* (иерархии душ и качеств), возникает иерархия народов и культур. Там, где *бхакти* к богу, появляется верность этно-культурной общности.

В мировоззрении Дивногорского этическая и любая другая критика носителей традиции заранее маркируется как антиведическая («пашанда будет поливать Веды грязью явно или косвенно... указывая на пороки недостойных брахманов или шастриев...»).

Любая социологическая или историческая фиксация современных форм религиозности выводится за скобки как «вульгарная» («Приравнивая коммерческие или вульгарные формы современного индуизма к религии Вед»).

Базовые академические дискуссии о датировках, составе, эволюции ведийского корпуса объявляются признаком *пашанды* («насаждение сомнений в Ведах, прежде всего в апаурушеятве...»).

«Научный консенсус» прямо ставится в кавычки и подводится под список отрицательных признаков («пашанда будет приводить догадки (“теории”) и догматические мнения (“научный консенсус”) индологов и лингвистов...»).

Под удар попадает сама герменевтика как дисциплина: грамматика и логика изображаются опасным инструментом («представление Вед как податливой глины, из которой любой образованный ведослов может вылепить... с помощью грамматики и логики убедительные иллюстрации к любому мировоззрению»).

Заранее дискредитируются практики двуязычных изданий, учебных переводов, комментариев вне «единого правильного» толкования («или же будет отвергать цельностное изъяснение Веды как “громоздкое” или “искусственное”, предпочитая словарный или популярный перевод как “очевидный”»).

Помимо авраамических и восточных традиций прямо называется «национализм». Это не поддержка национализма, но сама постановка ряда «буддизм / джайнизм / авраамизм / национализм» переводит разговор из богословия в политику идентичности: читателю задают рамку «есть чистая ведичность и есть всё прочее, в том числе национализм». Дальше автор уже сам решает, кого к чему приписать («попытки разбавить жизнь и мышление по Ведь неведичными элементами... переписывания на ведийский манер... национализма и проч.»).

Логика объявляется вторичной; спор «по правилам» переводится в область сакрализации и табу. Это кульминационный анти-рационалистический маркер («использование Вед вместо логики в отстаивании Вед перед явными пашандами...»).

Многочисленные пункты про «оголтелое ведомиссионерство», «почитание знания и презрение к кармені»/«почитание бхакті и презрение к знанию и кармені», про «ритуализм без смысла» — это уже распознавание «не своих» по поведенческим признакам; язык становится инструментом полицейского контроля границ.

Политизация у Дивногорского редко выглядит как «мы выше них» в лоб. Она работает как поле тотальной подозрительности к любому «внешнему» языку описания религии: наука, индология, лингвистика, история идей, сравнительное религиоведение, логика, даже популярные переводы. Все эти практики одна за другой подводятся под рубрику «пашанда» (еретиков/атеистов/негодяев). В результате достигается эффект: читатель получает картину мира, где допустим только один способ говорить о *ведах* — «наш», все остальные объявлены не просто ошибкой, а духовной угрозой.

Почему это манипуляция, а не просто религиозная строгость?

Подмена уровня дискуссии. Вместо различения «внутритрадиционного» и «академического» способов чтения религиозных произведений автор объявляет второй путь духовно порочным. Это не богословская критика частных тезисов, а дискредитация целого способа мышления.

Снятие точки проверки. Любая ссылка на внешний корпус знаний (история, языкознание, ритуалистика, сравнительные методы) заранее маркируется как «ложный путь». После такого шага проверить утверждения автора «снаружи» уже нельзя по определению.

Смешение жанров. В одном полотне рядом стоят шастрические цитаты, благочестивые образы и длинные авторские блоки с негативными ярлыками для науки/логики/«популярных переводов». В глазах читателя это выглядит как «единый голос традиции», хотя по содержанию это разные регистры, да и к традиции и учению Мадхвы не имеют никакого отношения.

Управление идентичностью. Создаётся бинарная картина: «ведическое/наше» против «пашандийского/их». Это политизация в строгом смысле (не обязательно партийная): она строит границу «мы–они», задаёт язык лояльности и подозрения. Дальше *пашандой* можно называть что угодно — в том числе конкретные «национальные», «западные» и «научные» практики.

Это классический механизм идеологического репрограммирования, описанный М. Фуко (дискурс как структура власти), К. Гирцем (религия как система смысло-производства), В. Тёрнером (символ как инструмент групповой солидарности). Религиозная категория становится носителем политического послания.

Итог: новояз — это не перевод. Не адаптация традиции. Не форма религиозной выразительности. Не эксцентричная орфография.

Это инструмент идеологического контроля: 1. Закрывает текст/проповедь для проверки, перевода имени, термины, понятия в иной грамматический класс. 2. Меняет статус ключевых понятий. 3. Связывает религиозную идентичность с националистической. 4. Превращает язык традиции в язык группы.

Антинаучная часть — это не богословская полемика с частными тезисами, а программная дисквалификация научного, логического и историко-филологического способов говорить о *ведах* как «пашанды».

Дивногорский меняет контекст применения. Он выстраивает для читателя коридор, в котором любая критическая или академическая перспектива заранее объявлена духовно порочной. Так религиозный текст становится носителем идеологического «режима речи»: допустимо только «нашим образом». Это и есть манипуляция смыслом.

Традиция отличается от идеологической системы тем, что она основана на передаче, а не на создании. Там, где линия передачи заменяется авторским языком, где ключевые термины перестраиваются под новую грамматику, где доктринальные категории смещаются в сторону эстетизации или идентичностного самоподтверждения, передача перестаёт быть традиционной.

Этот процесс не обязательно приводит к созданию «секты» в бытовом смысле и не требует оценки добрых или дурных мотивов участников. Он просто означает смену типа религиозного знания: от передаваемого — к создаваемому.

В этом отличие интерпретации внутри *парампары* от авторской системы, использующей язык традиции как материал для построения нового мировоззрения.

Часть II

Художник Уджвала Ниламани

Этическая и патриотическая непоследовательность

И во всём этом где-то присутствует художник Уджвала Ниламани. Вдохновившийся около пятнадцати лет назад учением Мадхвы, услышав проповеди Н. Дивногорского, Уджвала включился в активное распространение этого учения. В фейсбуке стали появляться многочисленные перепосты статей Дивногорского и агрессивная полемика самого Уджвалы с несогласными, переходящая на личности. Но в 2022 году началась война. Однако Уджвала, будучи украинцем и зная негативное отношение Дивногорского к Украине и украинцам, продолжил распространять идеи НД в своих

постах в фейсбуке. Конечно, это личное дело Уджвалы. Но почему-то чуть меньше года назад Ниламани перешёл на посты на украинском языке, отказавшись от российской мовы. Это говорит, как минимум о том, что Уджвала не хочет писать по-русски, подчёркивая тем самым свою связь с Украиной. В контексте войны. И хотя заметки Уджвалы теперь на украинском, заметки эти всего навсего перевод «русских» статей всё того же Дивногорского. Со всем его орфографическим хаосом, манипуляциями и банальным обманом читателей (см. статью «Огню, веди путем!», где он выдаёт собственные антинаучные, антилогичные, антилингвистические, антимадхвовские идеи за учение Мадхвы и *шастры*).

Отсутствие рефлексии, собственного анализа как *шастры*, учения Мадхвы, так и статей/проповедей Дивногорского, оставляет художника Уджвалу Ниламани в парадигме Дивногорского, несмотря на отказ от русского языка в пользу украинского.

Поведение Уджвалы в контексте его отказа от дивногорщины после 2022 года, но при продолжении использования его текстов и новояза, представляет собой этическую и интеллектуальную коллизию.

Решение перевести статьи НД, сохраняя его новояз и концепции (неофициально принятый «Дивногорский глоссарий»), является формой интеллектуальной зависимости. Уджвала, будучи украинцем, отказывается от личного общения с автором, который ненавидит его страну и народ, но продолжает распространять его идеологически заражённый материал, лишь сменив язык.

Переход на украинский язык выглядит как формальный «банный лист», призванный прикрыть идеологическую наготу. Смена языка — это попытка создать видимость патриотической дистанции и самостоятельности, в то время как содержание остаётся фашистским и антинаучным первоисточником. Это акт лицемерия в публичном пространстве.

Отсутствие антивоенной позиции: самостоятельная антивоенная, этическая или религиозная проработка взглядов Дивногорского отсутствует. Вместо осмысления и очищения учения Мадхвы от фашистского налёта, Уджвала совершает «Google-перевод» этого налета.

Интеллектуальная несамостоятельность

Незнание Уджвалой языков (помимо русского и украинского) и понимание учения Мадхвы только со слов Дивногорского, оставляет художника в полной зависимости от НД. А ведь самостоятельное мышление критически важно, особенно в религиозно-философских вопросах. Любой, кто переводит религиозную литературу с критической или религиозно-философской целью, обязан проверить первоисточники. Уджвала не только не проверяет, но и копирует лингвистические ошибки (новояз и нелогичные склонения), созданные его первоисточником.

Банальное копирование — это не самостоятельная работа или осмысление материала, а механический перевод — пустая форма, т.к. в ней нет самостоятельного анализа, сделанного после механического перевода. Сохраняется терминологическое подражание, а не понимание, исчезает культурный контекст. Проблема здесь не в языке перевода, а в сохранении метода. У Уджвалы отсутствует самостоятельная работа с традицией.

В результате, в его украинских постах сохраняется чужой новояз, что служит прямым доказательством отсутствия личной интеллектуальной проработки и продолжающейся зависимости от идеологической матрицы Дивногорского.

Поведение Уджвалы демонстрирует конфликт между патриотическим долгом (отказ от общения с русофашистом) и интеллектуальной несамостоятельностью (продолжение использования его текстов). В результате, он не передаёт учение Мадхвы, а просто распространяет искажённый, токсичный нарратив под видом украинского текста.

Если человек дистанцируется политически, но продолжает распространять тексты/проповедь, созданные в рамках националистического дискурса, не отделяя философское содержание от идеологического, то он фактически продолжает транслировать сам дискурс, даже если позиционирует себя иначе.

Глубинная проблема в том, что это не просто копирование текстов/слов — это копирование структуры мышления и ценностей, в основе которых этнонациональное превосходство, отрицание иных культурных традиций, герметизация религиозного опыта внутри этнической идентичности. Для вайшнавизма — это принципиально противоречит учению: вайшнавизм всегда наднационален и не сводится к племенной идентичности.

Религиозный человек имеет право верить как хочет. Но никто не имеет права выдавать переосмысленную, идеологически изменённую систему за учение Мадхвы, *веды* или *сампрадаи*. Это не вопрос академизма и научности. Это вопрос честности по отношению к традиции.

Случай с Уджвалой — не продолжение духовной традиции, а продолжение зависимости от Н. Дивногорского и его идей.

🔴 МОЙ ТЕЛЕГРАМ ОБ ИНДИИ: <https://t.me/karlindia>

🏠 МОЙ САЙТ ОБ ИНДИИ: <https://bergstreisser.com>

👤 МОЙ ФЕЙСБУК: <https://www.facebook.com/bergstreisser/>

📖 КУПИТЬ МОЮ КНИЖКУ «О некоторых догмах культа Чайтаньи в свете учения Мадхвы»: <https://bergstreisser.com/shop/>